

в придаточном причины с союзом «зане». Вместо греческих оборотов *accusativus cum infinitivo* или *accusativus cum participio* обычно выступает придаточное предложение причины. Подытоживая наблюдения в этой области, М. М. Копыленко пишет: «... приведенных нами данных достаточно для того, чтобы убедиться в самостоятельном развитии славянского гипотаксиса. Многочисленные факты дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского языка».¹⁴⁷

Мы можем вполне согласиться с М. М. Копыленко в том, что в переводе «Александрии» в еще большей степени по сравнению с «Хрониками» сказывается прогрессивная тенденция в развитии славянского гипотаксиса. Это находит свое объяснение как в особенностях повествовательного литературного жанра с его наибольшим по тому времени приближением к обиходной разговорной речи, так и в повышении языковой культуры переводчика. В отношении использования сложных синтаксических моделей «Александрия» представляет собой несомненный шаг вперед в развитии переводческого мастерства.

Что касается перевода «Истории Иудейской войны», то его текстуальное сопоставление с подлинником почти невозможно, так как переводчик коренным образом перестраивает весь строй изложения, сообщая несколько суховатому стилю греческого историка конкретность и живую непринужденность и образность. В свое время мы имели возможность раскрыть стилистическую сторону этого памятника.¹⁴⁸ Кратко перечислим основные черты, характеризующие высокое искусство древнего мастера художественного в полном смысле слова перевода.

Свобода переводчика по отношению к переводимому материалу и его незаурядное литературное мастерство проявляются главным образом в следующих стилистических приемах: 1) естественный порядок слов и структура синтаксического целого, независимые от оригинала; 2) конкретизирование общих отвлеченных понятий; 3) художественное распространение описаний, преимущественно в боевых эпизодах; 4) приспособление к русским понятиям и быту феодально-дружинной среды; 5) использование прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; 6) широкое привлечение образных сравнений, метафор, метонимий, не имеющих себе соответствия в греческом тексте; 7) частое применение фразеологических единств, укоренившихся в русском языке; 8) эмоционально насыщенные описания природы, данные ярче и проникновеннее, чем в подлиннике; 9) звуковая организация речи, привлечение рифмы и ритмического построения фраз.

Приведем в дополнение к указывавшимся нами ранее несколько ярких примеров того, как переводчиком применялись названные черты художественной речи.

В VIII главе книги II (часть 11), где излагается учение ессеев о загробном воздаянии, мы находим такую лаконичную и ритмически построенную фразу: «Тѣм бо словом будять и нудять люди добра творити, а зла лишатися».¹⁴⁹ В оригинале на месте этого находим лишь: этим стремятся они,

¹⁴⁷ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола, стр. 236.

¹⁴⁸ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 75—90, см. также: Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси, стр. 58—70.

¹⁴⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 256.